

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Гем)
Э98

*Перевод с немецкого Марии Гескиной
Автор обложки Наталья Акимова*

Эшбах, Андреас.

Э98 Аквамарин : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Андреас Эшбах ; [пер. с нем. Марии Гескиной ; авт. обл. Наталья Акимова]. — М. : КомпасГид, 2019. — 480 с. — (Антиподы).
ISBN 978-5-00083-574-6

Это всё-таки случилось: Саха упала в бассейн — впервые в жизни погрузившись в воду с головой! Она, наверное, единственная в городе, кто не умеет плавать. 15-летняя Саха провела под водой четверть часа, но не утонула. Быть может, ей стоит поблагодарить ненавистную Карилью Тоути, которая толкнула ее в бассейн? Ведь иначе героиня не познакомилась бы с Пигритом и не узнала бы, что может дышать под водой.

Герои книги Андреаса Эшбаха живут в Австралии 2151 года. Но в прибрежном городе Сихэвене под строжайшим запретом многие достижения XXII века. В первую очередь — меняющие облик человека гаджеты и генетические манипуляции. Здесь люди всё еще помнят печальную судьбу вундеркинда с шестью пальцами на каждой руке, который не выдержал давления собственных родителей. Именно здесь, в Сихэвэне, свято чтут право человека на собственную, «естественную» жизнь. Открывшаяся же тайна превращает девушку в изгоя, ей грозит депортация. И лишь немногие понимают, что Саха может стать посредником между мирами.

Андреас Эшбах (родился в 1959 году) — популярный немецкий писатель-фантаст, известный своим вниманием к экологической тематике; четырехкратный обладатель Немецкой научно-фантастической премии имени Курда Лассвица. Его романы несколько раз были экранизированы в Германии и переведены на десятки языков. А серия «Антиподы», которая открывается книгой «Аквамарин», стала одной из самых обсуждаемых на родине автора. Дело не только в социально-политическом послыле, заложенном в тексте, но и в детально проработанном мире далекого будущего: его устройство само по себе — повод для размышления и обсуждения.

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Гем)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published under the title Aquamarin
by Andreas Eschbach
© 2015 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.
www.arena-verlag.de
© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-574-6

1 ■■■■■■■■

Они ждут меня, я вижу сразу. Вот они стоят на том конце длинного, сверкающего на солнце бассейна для рыб перед Тоути-холлом, ну а зачем бы еще им там стоять? Больше всего мне хочется развернуться и уйти. Всё во мне кричит, что именно так и надо поступить. Но это было бы самой большой ошибкой, ведь тогда Карилья поняла бы, что она меня победила. Поэтому я иду дальше как ни в чем не бывало, иду прямо к ней и ее свите. Сегодня четверг, на часах чуть больше половины одиннадцатого — или сорок четыре тика, как принято говорить за пределами Зоны. Четверг, 4 ноября 2151 года, если быть совсем точной. На небе ни облачка. Будет жаркий день, предвестник грандиозного лета, до которого уже рукой подать. Воздух полон запаха водорослей. Из порта доносятся скрип погрузочных кранов и голоса работающих там мужчин, но сейчас эти звуки лишь подчеркивают неестественную угрожающую тишину, на встречу которой я иду.

У меня всё сжимается внутри. Они, как обычно, будут издеваться надо мной. Я не знаю, что именно ожидает меня сегодня. Знаю только, что мне это не понравится. Другого пути нет, их не обойти. Здание школы, как осадная башня, возвышается у подножия скалы, отделяющей порт от города, и попасть на школьный двор можно только через ворота. Через ворота и по выложенной плиткой тропинке между городской стеной слева и Тоути-холлом справа.

И вот я иду вдоль бассейна для рыбы, который пугает меня с самого первого дня в этой школе. Я могу разглядеть в нем стайку рыб-клоунов в красную, черную и белую полоску; кажется, они с интересом следят за тем, что сейчас произойдет. Может быть, не произойдет ничего. Я делаю вид, будто в торчащих здесь Карилье и ее верных друзьях нет ничего необычного, и, едва взглянув, пытаюсь молча пройти мимо. Как только доберусь до школьного двора, я буду спасена, потому что там сейчас все остальные, да и учителя тоже, которые за всем следят.

Но у меня, конечно же, ничего не выходит. Карилья встает у меня на пути и спрашивает:

— Ну? Хорошо спалось?

4

Что я могу на это ответить? Она спрашивает не потому, что ее волнует мое самочувствие, — оно ее интересует меньше всего на свете. Всё дело в том, что

по четвергам у Карильи и всех остальных первые три урока физкультуры (плавание или что-то еще, связанное с водой), а я освобождена от них по медицинским показаниям. Я могла бы отсыпаться до десяти утра, если бы хотела. На деле же встаю по четвергам как и в любой другой день и в свободное время повторяю что-нибудь к урокам. Сегодня с утра я готовилась к контрольной по китайскому, которая ожидает нас на следующей неделе. Я всё еще надеюсь избежать открытого конфликта и, пробормотав «Ничего так», пытаюсь протиснуться слева от Карильи. Она снова преграждает мне путь.

— Стой спокойно, когда я с тобой разговариваю, Рыбья Морда!

Не Саха. Только учителя называют меня по имени. Мои одноклассники называют меня Рыбьей Мордой. Если вообще замечают. По мне, лучше бы не замечали. Я делаю шаг назад и прижимаю к груди планшет, хотя прекрасно понимаю, что он никак не защитит. Но больше у меня ничего нет. Что вообще происходит? Почему именно сегодня? Неужели Карилья завидует тому, что ей нужно на физкультуру, а мне нет? Ну, она не настолько тупа, чтобы ей потребовался целый учебный год, чтобы это заметить. Двое парней из ее свиты делают шаг вперед и встают рядом с ней: Бреншоу, ее герой-любовник, и Раймонд, ее верный

паж. Остальные окружают меня сзади. Ни единого шанса на побег.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

Губы Карильи искривляются в усмешке.

— Чего я хочу? Не видеть каждый день твою противную рожу!

Если бы сказал кто-то другой, это было бы смешно — и не более того. Но из уст Карильи Тоути это звучит угрожающе. На деньги ее деда был построен Тоути-холл, ее отец что-то вроде короля Сихэвэна. Карилья считает себя наследной принцессой и уверена, что город принадлежит ей. Город как минимум.

— Если тебе так не нравится мое лицо, — всё же отвечаю я, — просто смотри на что-нибудь другое.

Карилья не только дочь богатых родителей, она еще и выглядит как ангел, со светлыми волосами ниже пояса и телом, от которого сходят с ума все парни. Она уже дважды становилась королевой красоты Сихэвэна, и в обозримом будущем у других девушек может появиться шанс, только если Карилья не будет участвовать в конкурсе. От всего этого ее хищная ухмылка выглядит еще опаснее.

— Я бы рада, представь себе, — говорит она. — Но я слишком часто вынуждена находиться с тобой в одном помещении. К тому же стоит мне посмотреть по сторонам, как того и гляди попадет на глаза твоя стремная тетушка.

Она начинает размахивать руками, передразнивая язык жестов. Тут она попала в мою болевую точку и прекрасно об этом знает. И я знаю, что она знает, но всё равно не могу не огрызнуться в ответ:

— Оставь мою тетю в покое!

Она продолжает размахивать руками. Свита хохочет.

— Нормальные люди такое лечат.

— В случае с моей тетей это невозможно, — отвечаю я, хотя отлично понимаю бессмысленность своих слов. — У нее отсутствуют необходимые для этого проводящие нервы. Это врожденный дефект.

Карилья прекращает жестикулировать.

— Ах, врожденный дефект, — передразнивает она меня. — Похоже, это у вас семейное — врожденные дефекты...

Хохот нарастает. Я по-прежнему не понимаю, что всё это означает. И тут Карилья внезапно становится совершенно серьезной.

— Слушай меня внимательно, Рыбья Морда, — говорит она. — Мы решим эту проблему, причем раз и навсегда.

Она достает свой планшет, ищет в нем что-то, а потом делает в мою сторону смахивающее движение, каким пересылают файлы. Мой планшет, который я по-прежнему прижимаю к груди, издает булькающий

звук, сигнализирующий о том, что пришло сообщение. Я заглядываю в планшет. Карилья прислала мне две анкеты.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это заявления для поступления в профессиональные училища в Уэйпе и Карпентарии, — отвечает Карилья. — Можно уйти после второго класса старшей школы. Так многие делают. Тебя возьмут, у тебя же хорошие оценки.

Она говорит так презрительно, как будто хорошие оценки — это что-то совершенно неважное. Впрочем, в ее случае так и есть. При желании Карилья могла бы спать хоть целый год и всё равно закончила бы школу с аттестатом, который ей никогда в жизни не понадобится.

— С чего бы мне это делать? — озадаченно спрашиваю я. Что Карилья с легкостью упускает из виду при планировании моего будущего, так это то, что таким образом я лишила бы себя малейшего шанса когда-нибудь в этой жизни поступить в университет.

В университет попадают только закончив все четыре класса старшей школы.

— С чего бы тебе это делать? — Карилья приближает свое ангельское личико к моему. — Потому что я тебе велю. Потому что я не хочу больше видеть твою рыбью рожу. Потому что мы все не хотим

больше видеть твою рыбью рожу. — Она презрительно морщит нос. — Потому что так ты избежишь кучи неприятностей.

Раньше, чем я успеваю понять, что происходит, она отталкивает меня от себя. Я налетаю на Раймонда, который тоже толкает меня, и вот они уже перебрасывают меня друг другу, и я ничего не могу с этим сделать. Все смеются и кричат. А потом я вдруг спотыкаюсь, и там, куда наступаю, почему-то не оказывается земли. Я падаю, лечу в пустоту, в воду. В ту самую воду, в которую мне ни в коем случае нельзя попадать.

Вода обхватывает меня, холодная и мокрая, беспощадно тянет меня в глубину. Синее небо над головой сменяется кипящим серебром, издевательский хохот тонет в неясном бульканье и шорохе. Я не умею плавать, беспомощно загребаю руками, чувствую, как пузырьки воздуха поднимаются у меня изо рта. Я опускаюсь на дно, и меня парализует внезапная боль в боку, как будто бы там что-то разорвалось. Над собой я вижу неясные контуры фигур, которые склоняются над водой, а потом отворачиваются и исчезают.

Они бросили меня. Они отлично знают, что я не умею плавать, но это их не волнует.

Я должна бояться смерти, но мне почему-то не страшно. Мне кажется, что я могла бы дышать под водой. Парочка рыб-клоунов проплывает перед

лицом и с интересом рассматривает меня. Я пытаюсь что-то сказать, но это плохая идея, потому что вода тут же устремляется в рот и в нос, и наступает темнота.

Когда снова прихожу в себя, я лежу в постели, над мной голубой потолок. Комната непривычно пуста, при этом она кажется мне знакомой. В окнах матовые стекла. И всё же мне требуется некоторое время, чтобы осознать, что это амбулатория в боковой пристройке Тоути-холла, сюда можно быстро добежать и со школьного двора, и со спортплощадки. Я лежу под тонким белым одеялом, пахнущим чистотой и химией. Под одеялом я совершенно голая. Инстинктивно натягиваю одеяло до подбородка. Кто меня раздел? И где мои вещи?

Я копаюсь в своей памяти, которая, похоже, еще не совсем проснулась. По всей видимости, я была без сознания, но как долго — не имею ни малейшего понятия. Помимо этого, помню, как меня хватают и тащат вверх сильные руки, как кто-то кричит — возможно, это я сама и кричу, — а кто-то говорит «Ой, это, похоже, было всё-таки чересчур». И как я снова погружаюсь в темноту.

10

Я ощупываю себя. Всё на месте. На простыне пара мокрых пятен, один из моих пластырей отклеился.

Я прижимаю его изо всех сил, но это, конечно, не помогает, дома придется наклеить новый.

Тут открывается дверь. Это доктор Уолш протискивает в комнату свое внушительное тело. Одетый в белый халат, он добродушно улыбается.

— Ну, Саха Лидс, — произносит он и выключает какой-то прибор на стене надо мной. — Вернулась к жизни?

Доктор Уолш не очень-то хороший врач, иначе для него нашлась бы работа получше. Но он уверенно излучает прекрасное настроение и надежность. Этого, в принципе, достаточно для того, чтобы оказать помощь практически в любой ситуации, которая может возникнуть в школе.

— Как долго я отсутствовала? — спрашиваю я, всё еще подтягивая одеяло к подбородку.

— Отсутствовала? — весело переспрашивает он. — Ты не отсутствовала. Ты всё время была здесь.

— В смысле, сколько я была без сознания?

— Ты просто спала. Я вколол тебе успокоительное, на которое ты среагировала сильнее, чем я ожидал.

Он достает из кармана стетоскоп.

— Я, конечно, немало утопленников повытаскивал, но столько воды, сколько из тебя, ни из кого еще не выливалось. Это было впечатляюще.

Он делает жест своей мясистой рукой.

— Хочу проверить, не осталось ли еще чего внутри. Ну-ка сядь.

— Я без одежды, — возражаю я голосом, который мне самой кажется на редкость жалобным.

— Естественно, — отвечает доктор Уолш, и кончики его рыжеватых усов весело подрагивают. — Ты же промокла до нитки. Миссис Альварес тебя раздела и отправила твои вещи сушиться.

Я нервно сглатываю.

— А кто меня спас? Мистер Альварес?

Мистер и миссис Альварес — школьные завхозы. Оба, скажем прямо, довольно непонятные личности. Не хотелось бы быть обязанной им жизнью. Доктор Уолш кивает.

— Он тебя вытащил, да. Но, на твое счастье, один мальчик видел, как ты упала, и нажал кнопку экстренного вызова.

— Мальчик? — продолжаю спрашивать я. — Какой?

— Имя я забыл. — Доктор Уолш надевает стетоскоп. — Дай-ка я послушаю. Повернись спиной.

Я обреченно сажусь на кровати, продолжая прижимать к себе одеяло, и послушно следую указаниям: глубоко вдыхаю и выдыхаю через рот. Он внимательно слушает мои легкие. Это продолжается так долго, что у меня от всех этих вдохов-выдохов начинает

кружиться голова. Я испытываю большое облегчение, когда он наконец произносит: «Хорошо. Всё чисто». Облегчение в первую очередь потому, что мне не придется при нем оголять свою грудь. При этом, по сути, смотреть там особо не на что. Моя грудь не стоит упоминания, а тетя Милдред говорит, что если она до шестнадцати толком не выросла, то и дальше существенно ничего не изменится. Тут Карилья права: я довольно страшная.

Доктор Уолш вытаскивает из ушей стетоскоп и до-трагивается до одного из аэрозольных пластырей, украшающих мою грудную клетку. Сейчас они выглядят как длинные полупрозрачные червяки на коже.

— А вот это, — говорит он, — и есть те раны, про которые написано в твоей справке?

Он убирает стетоскоп в карман.

— Я почитал твое дело.

Мне неприятно говорить об этом. Я и без того имею достаточно неприглядный вид. Киваю и говорю «да».

— И они не заживают? — спрашивает доктор Уолш с любопытством.

— Нет. Каждый раз после душа мне приходится снова заклеивать их жидким пластырем. — На самом деле я меняю только те, что отклеились. Пластырь ужасно дорогой.

— Дай-ка гляну.

Я неохотно поднимаю левую руку и убираю одеяло так, чтобы он увидел во всей красе пять прорезей на расстоянии в два пальца друг от друга, от спины до груди наискосок, с небольшим уклоном вниз.

— На другой стороне такие же, — объясняю я. — Симметричные.

На самом деле моей груди никак нельзя вырастать больше, иначе ей будут мешать разрезы. И как это может выглядеть, я даже представлять себе не хочу.

— В справке написано, что это был несчастный случай, — говорит доктор Уолш. — Как это произошло?

Я пользуюсь моментом, чтобы снова прикрыться одеялом. Терпеть не могу пересказывать эту старую историю, но никуда не денешься.

— Когда я была совсем маленькой, я попала под работа — косильщика газонов. Мама вовремя успела меня вытащить, иначе он бы меня на кусочки порезал.

Я сама этого не помню, но столько раз слышала эту историю, что сейчас мне уже кажется, что это мои собственные воспоминания.

14

— У работа ножи были из кобальта. Раны, нанесенные им, практически не заживают.

— Кобальт? — Доктор Уолш явно впечатлен. — Я такого никогда не слышал. — Он добродушно хмыкает. — Удивительная история. И что, никто никогда не пытался зашить эти раны?

— Пытались, конечно, — отвечаю я. Если внимательно посмотреть, то вдоль разреза на моей коже видны маленькие белые точки, оставшиеся от этой попытки. — Но это ничего не дало. Внутри что-то воспалилось. И детский врач, наблюдавший меня, решил, что лучше будет заклеивать их жидким пластырем. И запретил залезать в воду.

Дверь снова открывается. Входит миссис Альварес, тощая, беззвучная, в развевающихся черных одеждах — в общем, пугающая. Она принесла мои вещи, высушенные и сложенные аккуратно, мне бы в жизни так не удалось сложить. Наверху стопки лежит мой планшет. Миссис Альварес замечает мой встревоженный взгляд.

— Он тоже побывал в воде, — говорит она высоким голосом, который звенит так, будто вместо связок у нее стальная проволока. — Я его тоже высушила, он работает.

— Как это случилось? — хочет знать она.

По выражению лица доктора Уолша можно предположить: он как раз осознал, что совершенно забыл задать мне этот вопрос.

У меня было достаточно времени, чтобы сообразить: жаловаться на Карилью совершенно бесполезно. Поэтому я говорю:

— Даже и не знаю. Я просто упала.

— Что значит «просто»? — строго переспрашивает доктор Уолш. — У тебя голова закружилась? Ты, может, сидишь на какой-нибудь из этих модных нынче диет?

— Нет, — честно отвечаю я. — Я прекрасно понимаю, что, если похудею, краше не стану.

— Точно нет? У нас тут такое часто встречается. Девочки думают, что они слишком толстые, перестают есть, а потом в самый неподходящий момент падают в обморок.

— Моя тетя говорит, что я ем как не в себя, — утверждаю я.

— Ну и отлично, — отвечает доктор Уолш. Они с миссис Альварес переглядываются и дружно кивают, как будто им нужно подтвердить, что они этим очень довольны.

— Тогда сейчас мы оставим тебя одну, чтобы ты могла спокойно одеться. Потом ты пойдешь домой и отдохнешь.

Я киваю.

— Получается, я прогуляла китайский и математику?

16

Доктор Уолш улыбается так доброжелательно, как умеет только он один.

— Я уже проинформировал твоих учителей о произошедшем и предупредил их, что тебя не будет. Можешь по этому поводу не переживать.

— Спасибо, — говорю я, но, конечно, всё равно переживаю.

— Да, кстати, если тебе сегодня вечером станет плохо или голова начнет кружиться, ты мне сразу же позвонишь, поняла?

Я обещаю позвонить, если что, и они уходят. Уже в дверях доктор Уолш еще раз оборачивается и спрашивает:

— Кобальт, верно?

— Что? — удивленно переспрашиваю я.

— Те ножи ведь были из кобальта?

— А, да, — говорю я.

Он с улыбкой кивает.

— Век живи, век учись.

И закрывает за собой дверь.

Я покидаю школьный двор незадолго до конца уроков. Еще пара минут, и они повалят из главного здания, смеясь и вопя, тысяча школьников, согнанных вместе на целый день. Многие из них приезжают на велосипедах или свишерах, припаркованных плотными рядами под навесом у ворот. Они разъедутся по всему городу, они быстрее меня, и мне совсем не хочется встречаться с кем-то из них. Поэтому,

выйдя за ворота, я сразу же поворачиваю направо, перелезаю через невысокий парапет, идущий вдоль набережной, и ныряю в кусты между забором школьного двора и обрывом. Там я нахожу укромное местечко, где меня никто не заметит, зато оттуда хорошо виден пляж. Хотя меня и научили держаться от моря подальше, я его очень люблю. Смотреть, как волны набегают и уходят, слушать шум прибоя — всё это оказывает на меня почти магическое действие. Успокаивает мою душу — а мне это сейчас необходимо.

Я нахожу пяточок, на котором растёт хоть какая-то трава и нет того мусора, который некоторые кидают через забор несмотря на строжайшие запреты, и усаживаюсь. Только сейчас я замечаю, что меня трясёт. Приходит запоздалый ужас оттого, что Карилья и её свита бросили меня на произвол судьбы, несмотря на то что отлично знали: я не умею плавать. Можно ли более явно продемонстрировать свою враждебность? Очевидно, что Карилья была бы совершенно не против увидеть меня мертвой.

Я накрываю голову руками и закрываю глаза. Всё мое тело дрожит, и я чувствую, что вот-вот заплачу. Я уже не в первый раз после нападения забиваюсь в какой-нибудь угол и плачу. Но сегодня вместо этого мысленно возвращаюсь к моменту под водой — за секунду до того, как потеряла сознание. К тому мигу, когда мне показалось, что я могу дышать водой.

И к тому, какое я тогда испытала умиротворение, почти что радость. У меня было чувство, будто больше никто не сможет сделать мне ничего плохого.

Когда я думаю об этом, мне становится не по себе. Была ли я так близка к смерти, что у меня начались галлюцинации? А может быть, в тот момент я радовалась приближающейся смерти? Было ли это чем-то вроде зова? Желанием смерти? Мои собственные мысли ужасают меня, я поднимаю голову и делаю глубокий вдох. Нет! Я ни за что не выберу этот путь, который бы вполне устроил Карилью! Я тру уголки глаз, но там всё еще никакого намека на слезы. Вместо этого я замечаю доктора Уолша, который летящей походкой идет по набережной в белом льняном костюме и плетеной шляпе от солнца.

Доктор Уолш не женат и, похоже, наслаждается своим положением, как, впрочем, и всей своей жизнью. Сейчас он направляется в клуб, где каждый день обедает, а после позволяет себе выкурить сигару, что нетрудно почувствовать, если встретить его после обеда. Его клуб — клуб Принцессы Шарлотты — назван в память о старом названии залива, на берегах которого расположен Сихэвэн. Когда-то давно, когда Австралия еще была так называемым «государством», а правил ею король в далекой Англии, Эквилибри так и назывался: залив Принцессы Шарлотты.

Здание клуба видно отсюда. Это неприметная постройка над пляжем, стоящая на темных сваях для того, чтобы противостоять приливам, которых уже давно не бывает. На террасе полно зонтиков от солнца, белых, синих и красных, по цветам флага Великобритании. Клуб очень внимательно относится к поддержанию традиций. Хотя в нашей зоне традициям вообще придается огромное значение, но здесь на них буквально помешаны. Взять хотя бы тот факт, что здание клуба старше, чем сам город: это военный пост, построенный в те времена, когда эта местность называлась Северным Квинслендом и была практически не населена. Здесь были непролазные джунгли, сплошные москиты и болота — конечно же, до того, как в прошлом веке климат резко изменился.

Я лишь смутно представляю себе, где вообще находится Великобритания и какая она. Мы лишь слегка коснулись темы «Европа» в школе. Мне вспоминается только, что времена года в Северном полушарии должны быть не как у нас, а в точности наоборот. Что там у людей в декабре зима, а у некоторых так даже со снегом и льдом! Поверить в это трудно, хотя фотографии оттуда я, конечно, видела. А лето там в июле, когда у нас сезон дождей.

20

Здание клуба выглядит невзрачным на фоне всех этих роскошных, белоснежных, сияющих на солнце